

12+

Роман Ямилев

Зверские Притчи

Роман Ямилев

Зверские притчи

<https://litres.ru/74590139>

ISBN 9785007142656

Аннотация

Добро пожаловать в Чудесный Лес, где звери живут совсем как люди: работают до изнеможения, забывают о собственных желаниях, боятся осуждения, пытаются всё контролировать и годами гонятся за тем, что должно наконец сделать их счастливыми.

«Зверские Притчи» — это добрые, смешные и немного колючие сказки для взрослых о самоуважении, личных границах, принятии, смысле, честности и умении жить свою жизнь. Возможно, среди обитателей Чудесного Леса вы узнаете кого-то знакомого. А может быть, и себя.

Содержание

Вступление	5
Утка-На-Всех-Есть-Минутка	6
Шмель-Который-Ходил-Пешком	11
Ёжик Жан-Жак-Жалель	18
Птичка-Истеричка	25
Жук-Невывозжук	31
Гусь-Сам-Разберусь и Гусыня-Женщина-Богиня	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Зверские притчи

Роман Радикович Ямилев

© Роман Радикович Ямилев, 2026

ISBN 978-5-0071-4265-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Ученые из Института Интриги открыли кое-где Чудесный Лес. То ли грибы там были особенные, то ли парниковый эффект какой-то, но зародилась в том лесу чудесная жизнь. Вернее, чудесные звери зародились. И живут они, поживают, все как у людей. И проблемы людские.

Например, Кот-Трюфель имеет проблемы пищевого поведения. А Птичка-Истеричка не упускает шанса устроить скандал. А Кролик-Трудоголик почти не бывает дома, чем очень расстраивает свою мягкую и теплую крольчиху.

В этой книге я расскажу вам несколько историй из Чудесного Леса. Не судите героев строго, а лучше примерьте на себя их чудесные образы.

Утка-На-Всех-Есть-Минутка

Жила-была Утка-На-Всех-Есть-Минутка. И была она вполне заурядной уткой. Гнездо-работа, двое маленьких

утят от прошлого брака.

Их отец, прекрасный селезень, был лётчиком-испытателем и однажды улетел в сторону юга и не вернулся. С вылуплением двух маленьких утят Утка-На-Всех-Есть-Минутка его пропажу никак не связывала, хотя злые языки говорили всякое.

Жила Утка-На-Всех-Есть-Минутка по совести. Небогато, но честно. Все лучшее детям, себе что останется. Старалась она быть доброй и отзывчивой. Помогала, когда просят, а если не просят — спрашивала, может ли помочь.

И все ее любили и привечали. К кому ни придет — везде рады. А там где рады Утка-На-Всех-Есть-Минутка старалась быть полезной. То сумки кроту-пенсионеру донесет, то с соседскими цыплятами посидит.

И все бы ничего, жила бы себе Утка-На-Всех-Есть-Минутка так и дальше. Да только ночью, сидя в стареньком, но тёплом гнезде ее накрывала такая тоска, что хотелось кричать по-волчьи.

Чуяла Утка-На-Всех-Есть-Минутка, что жизнь как будто не ее. Как будто нету в ней чего-то особенного. Это ведь было! Точно было! Когда любимый Селезень перед своим ро-

ковым отлётом обнимал ее крылом — она будто сама парила. А теперь...

Теперь она ближе к земле. Лапы крепчают, зад все шире, перья не блестят, на покрытие клюва не ходила, страшно сказать, сколько.

Но утром, когда вокруг носились два маленьких утенка такие мысли пропадали. Да и некогда думать. Столько дел, стольким надо помочь, стольких выручить. Так размышляла Утка-На-Всех-Есть-Минутка.

Однажды она гуляла по поляне. Грелась на солнышке. Приглядывала за своими утятами, да за выводком соседки. На поляне было хорошо. Но внезапно появилось ощущение чужого взгляда.

Утка-На-Всех-Есть-Минутка огляделась и увидела между деревьев два огромных глаза. Она знала кто это. Давненько не виделись.

В кустах между деревьев стояла Сова-Которая-Всё-Поняла. Она была старой, очень умной и однажды ВСЕ ПОНЯЛА. С тех пор почти ни с кем не общалась, изредка приходя к другим зверям, послушать новости.

Просветленную Сову уважали, но и побаивались. Странная она была, нелюдимая молчунья.

Утка-На-Всех-Есть-Минутка подошла к Сове-Которая-Все-Поняла и по обыкновению спросила: Могу я чем-то помочь?

Сова ответила: Себе помоги. Потом развернулась и ушла.

Утка-На-Всех-Есть-Минутка опешила. Так ей никто никогда не отвечал. Но Сова никогда не говорила ерунды, ведь она ВСЕ ПОНЯЛА.

Утка-На-Всех-Есть-Минутка крепко задумалась. А ведь и правда. Я помогаю всем и чем больше помогаю, тем ко мне лучше относятся. Вот только я несчастлива, одинока и клюв облез уже.

Может, Сова права? Надо помочь себе? И она попробовала.

Для начала перестала всем вокруг предлагать помощь. И, о чудо! Все звери и сами справляются со своей жизнью.

Потом Утка-На-Всех-Есть-Минутка сама попросила помощи. Пока бегала на покрытие клюва с ее утятами часок

посидела соседка. И снова открытие! Соседка была рада помочь!

Утка-На-Всех-Есть-Минутка понемногу освободила свое время, стала выглядеть лучше, научила утят не только помогать другим, но и заниматься собой. И жизнь ее расцвела новыми красками.

Ночами, в своем стареньком, но тёплом гнезде Утка-На-Всех-Есть-Минутка уже не страдала, а строила планы на будущее.

Сова была права — помочь надо сначала себе.

Шмель-Который-Ходил-Пешком

Жили в Чудо-Лесу не только звери, но и прочие членистокрылые.

На большой-большой поляне, заросшей тысячью цветов, жил Шмель-Который-Ходил-Пешком. История его была трагична до невыносимости, но он ее никому не рассказывал, а страдал сам по себе.

Шмель-Который-Ходил-Пешком ходил — пешком не всегда.

Когда-то давно он весело жужжал над большой-большой поляной, порхал с цветка на цветок, собирал пыльцу, а в обеденный перерыв укладывался на сиесту в маковый бутон.

Жужжал он ровно до тех пор, пока однажды не повстречалась ему Бабочка-Без-Церемоний-Дамочка. Они, на шмелиную беду, сели на один цветок.

— Ой, какой толстенький шмель! — воскликнула Бабочка

— И ничего не толстенький, — Шмель осмотрел себя с сомнением.

— Да точно тебе говорю, пухлый как булочка! Как ты вообще летаешь?! — Удивлению Бабочки не было предела.

— Да летаю, как обычно, туда-сюда. Вон и крылья есть. Не такие красивые, как у тебя, конечно, — Шмелю не чуждо было чувство прекрасного.

— Ну ты сравнил! Посмотри, какая я тонкая-звонкая!

А какие крылья большие! А у тебя ма-а-а-аленькие! — Бабочка в подтверждение раскрыла свои прекрасные крылья и взмахнула ими.

— Но я же все равно летаю! — Шмель возмущенно расправил свои крылышки. — Вот, смотри! — И жужжал, поднимаясь над цветком.

— Пф-ф-ф-ф, разве это полет?! — Бабочка взмыла над бутоном и будто в танце закружилась вокруг Шмеля. — Смотри, разве ты так можешь, со своим полосатым, толстым брюшком?! Ха-ха, мелкокрылый!

В пару взмахов Бабочка-Без-Церемоний-Дамочка взмыла вверх и хохоча упорхнула вдаль. А Шмель призадумался.

Повернулся вокруг себя и так и эдак. Осмотрел свое, и вправду упитанное, полосатое брюшко, пожужжал короткими крылышками, да и полез по стеблю цветка вниз. На землю.

С тех пор и стал он Шмелем-Который-Ходил-Пешком.

С того самого дня продуктивность шмеля упала. Рано утром, он вылезал из своего улья, спускался по дереву вниз, на поляну и ШЕЛ за пылью.

Он кряхтел, пыхтел, но взбирался со своим маленьким ве-

дерком на очередной цветок, собирал там немного пыльцы, затем спускался обратно и шел к следующему цветку.

Так проходил день. Ведерко к вечеру наполнялось едва наполовину. Но Шмель все никак не мог взлететь. Не мог, потому что его полет — это был и не полет вовсе, а какая-то нелепая эквилибристика в воздухе. Летишь, жужишь, брюхом трясешь. Тьфу, срам один.

Однажды по пути на работу попался Шмелю Жук-Невывозук. Он регулярно катал здесь свой шарик навоза и вечно бубнил о том, как ему тяжело.

— Здорово, Шмелина! А чего пешком?! — Жук-Невывозук даже остановился от удивления.

— Да вот, сгоняю пузико, а то совсем полет-не полет получается, — грустно ответил Шмель-Который-Ходил-Пешком.

— Это как так «не полет»? — Жук-Невывозук облокотил на свой навозный шар, отдуваясь.

— Да вот так! Не могу я летать, понятно?! — Шмель вспылil — Крылья мелкие, брюхо толстое, никакой аэродинамики, ясно?!

— Ну ты не ори, во-первых, а во-вторых, пешком ты сколько цветов опыляешь? Десять?

— Двенадцать, — буркнул Шмель.

— Во-о-о-от, а когда летал, хоть и худо, всю тыщу успевал! Успевал ведь, а Шмелина ты мохнатая!?

— Тыщу двести, — совсем уже тихо прошептал Шмель.

— Так и не все ли равно, КАК ты летаешь?! Не важно ли ЗАЧЕМ ты это делаешь!?

Шмель-Который-Ходил-Пешком промолчал. Жук-Невы-вожук же вздохнул и покатил свой навозный шарик, приговаривая: Делать мне больше нечего, летунов поучать, мне еще катить и катить, а я не вывожу уже это все, тьфу на вас, как я устал, катись чертов шар, давай уже. Так и скрылся в траве.

В тот день Шмель-Который-Ходил-Пешком не полез больше на цветок, а вернулся в свой улей с пустым ведром. Ночью он никак не мог уснуть, все мучался вопросом — Зачем я летал каждый день по большой-большой поляне? А теперь хожу и лазаю по цветкам зачем? Тоже вопрос интересный.

Вот мой дед летал, отец летал. Я теперь... хожу. Зачем?

— А затем, мой дорогой полосатый друг, — в улей вдруг заглянул огромный желтый глаз, — что без тебя большая-большая поляна загнется.

— Вот это гла-а-а-аз, — Шмель даже забыл испугаться,

настолько этот говорящий глаз был огромный.

— Слышишь, нет?! — Огромный желтый глаз отделился и стало видно, что это глаз не сам по себе, а принадлежит Сове-Которая-Все-Поняла, — Летать тебе надо, хочешь-не хочешь, иначе кранты поляне, уловил?

Шмель ничего не уловил, но Сову видел впервые и грех было не воспользоваться моментом. Она-то все поняла! Может и ему объяснит?!

— Вы, Сова, меня в заблуждение не вводите, а объясните толком, где я и где поляна? — Шмель взял быка, то есть Сову, за рога, — Я ж летаю как попало, не то что Бабочка-Без-Церемоний-Дамочка.

— Ох, мохнатый-полосатый. Летаешь ты может и без выкрутасов модных, зато пользу несешь великую. Шутка ли тыщу цветков опылить и не запыхаться! А опылять перестанешь — завянут цветы, а к следующей весне и вовсе без поляны останемся.

— Не понял, — Сказал Шмель, — так это я что ли большую-большую поляну цвести заставляю?

— Ну не я же, хе-хе, — Сова-Которая-Все-Поняла подмигнула огромным глазом и скрылась в ночи.

Шмель был ошеломлен и взбудоражен.

Это что же получается, если я не полечу, так и летать скоро нигде будет?! Вот ЗАЧЕМ мне мои маленькие крылышки!

Следующим утром Шмель-Который-Ходил-Пешком уже пешком не пошел. Он вылетел из улья, как маленькая мохнато-полосатая пуля и помчался с цветка на цветок. Он летел и наслаждался полетом, ведь у него появилась причина. У него появилось БОЛЬШОЕ ЗАЧЕМ! И как он летит его уже не волновало.

Он летел над большой-большой поляной, а бабочки хихикали над ним, но Шмелю было все равно.

А не полететь ли вам в лес, — думал Шмель-Который-Шмог, — не до вас сейчас. Ведь у меня есть большая-большая поляна, которая без меня пропадет.

Ёжик Жан-Жак-Жалель

Жил в Чудесном Лесу Ежик по имени Жан-Жак-Жалель. И был этот Ежик настолько вежливым, что даже когда срезал

на грибочек — извинялся.

Еж об этом особо не распространялся, но имел он французские корни. Лягушки смотрели на него косо и не приближались на всякий случай. Прадедушка Жан-Жака приплыл в Чудесный Лес из далекой Франции на венике, который случайно упал в реку. Все в роду Жалелей славились изысканными манерами, утонченным вкусом и патологической вежливостью.

Жан-Жак носил шерстяной берет и крохотные усики, которые каждое утро подкручивал паутинкой. Говорил он с легким акцентом, растягивая гласные и чуть грассировал.

— Пррррстите великодушно, я не хотел наррррушать ваш покой, — говорил Жан-Жак-Жалель каждому листику, на который наступал.

— Меррррси за то, что позволили прррройти, — благодарил он каждую тропинку.

Звери Чудесного Леса поначалу умилялись такой галантностью. Гусыня-Женщина-Богиня даже завела привычку проходить мимо норки Ежика, чтобы услышать очередное витиеватое приветствие. Увы, но в Чудесном Лесу, как и везде, не все звери были воспитаны одинаково хорошо.

Лисичка-Когда-Выгодно-Сестричка быстро смекнула, что Жан-Жака можно использовать. Каждый день она заявлялась к ежиной норке:

— Эй, усатый франт! Ты за продуктами не собираешься? Тебя ведь не затруднит захватить и мне грибочков на ужин! Желательно белых, ферштейн?

— oh oui!, madame Лисичка, я немедленно отправляюсь, — суетился Жан-Жак-Жалель, хотя у него самого в кладовой было не густо, да и своих дел было по горло.

Вскоре и другие животные поняли, что с таким вежливым соседом можно не церемониться. Бобр оказался не так уж и добр и заставлял его таскать ветки для плотины. Птичка-истеричка требовала хвалить ее каждое утро и перед сном.

И каждый раз Жан-Жак-Жалель извинялся, что делает все недостаточно хорошо, недостаточно быстро, недостаточно тщательно.

В один промозглый осенний день, когда дожди лили без остановки, Жан-Жак-Жалель сидел в своей промокшей норке (крышу починить было некогда — все время уходило на услуги соседям). Он шмыгал носом и чихал, конечно же, очень деликатно, чтобы не беспокоить шумом соседей.

Тут в дверь, сделанную из коры, постучали.

— Эй, французик! — за дверью стояла Лисичка-Когда-Выгодно-Сестричка.- Кабанчика я не нашла, так что ты метнись-ка к Сове за лечебными травами. У меня чего-то лапу ломит.

Жан-Жак-Жалель с трудом поднялся, борясь с головокружением и сказал:

— Конечно-конечно, мадам Лисичка, я сию минуту... И громко, совершенно некультурно, с абсолютно неприличными брызгами, чихнул.

От этого циклопического чиха, крыша его старой норки в момент обвалилась и как следует приложила ежа по голове. На короткое мгновение сознание Жан-Жака прояснилось.

— Эй, не вздумай меня заразить! — возмутилась Лисичка. — Шевелись давай, а то ночь скоро!

И тут произошло невероятное. Жан-Жак почувствовал, как внутри заиграла бравурная музыка *Non Je Ne Regrette Rien* и какая-то давно дремлющая, революционная часть его сущности, вдруг заговорила:

— Non! — сказал он твердо.

— Чего? — опешила Лисичка.

— Я сказал «нет», мадам Лисичка. Je suis désolé, но я болен, у меня дыра в крыше, мне нечего есть, и я больше не могу выполнять ваши поручения. Merci за понимание, — Жан-Жак-Жалель сам не верил, что говорит такое, но остановиться уже не мог. — И вообще, пора бы вам научиться говорить «пожалуйста» и «спасибо»!

Лисичка от неожиданности плюхнулась на хвост прямо в лужу.

— Это ты че так заговорил, колючка? Со мной так никто, никогда не говорил... — пробормотал она растерянно.

— Très bien, значит, я перрррвый, — кивнул Жан-Жак и захлопнул дверь.

Он сел в углу своей норки, дрожа от собственной наглости. Что же теперь будет? Наверное, весь лес отвернется от него за такую дерзость?

Но вместо гневных криков через некоторое время в дверь снова постучали. На пороге стояла Сова-Которая-Все-Поняла с мешочком целебных трав.

— Я слышала, ты приболел, — сказала она без предисловий. — И еще я слышала, что ты наконец-то научился говорить «нет».

— Oui, мадам Сова, — вздохнул Жан-Жак. — Боюсь, я был неверrrrrоятно груб.

— Вежливость хороша тогда, когда она искренняя, а не вынужденная, — заметила Сова-Которая-Все-Поняла, заваривая травяной отвар. — Уважение к себе — это тоже форма вежливости. Вежливости к самому себе.

— Я... я никогда об этом не думал, — признался Ежик.

— А теперь подумай, — кивнула Сова. — И запомни: иголки даны тебе природой не только для красоты.

На следующее утро Жан-Жак-Жалель, чувствуя себя немного лучше, вышел из норки и с удивлением обнаружил, что крыша починена, а у входа стоит корзинка с грибами и ягодами. Звери слышали о вчерашнем скандале и решили больше ежа не эксплуатировать. Да и вообще еж чего-то стал какой-то колючий. Может бешенство какое?

А еще через день в Чудесном Лесу все заметили удиви-

тельные перемены. Жан-Жак-Жалель остался таким же вежливым и галантным, но теперь он улыбался искренне, а не виновато. Он все так же помогал соседям, но только когда сам этого хотел и мог. Он продолжал извиняться, но лишь тогда, когда действительно был в чем-то виноват.

А когда Лисичка-Когда-Выгодно-Сестричка попыталась по старой памяти проехаться на ежиной доброте, Жан-Жак вежливо, но твердо сказал:

— Я с радостью помогу вам, мадам, после того, как закончу свои дела. И буду признателен, если вы скажете «пожалуйста».

С тех пор в Чудесном Лесу все заметили, что даже самые невоспитанные звери стали чуточку вежливее. А Жан-Жак-Жалель наконец-то понял, что настоящая вежливость начинается с уважения к себе.

И теперь, когда кто-то спрашивал у Совы-Которая-Все-Поняла, как найти баланс между вежливостью и самоуважением, она просто говорила:

— Спросите у Ежика. Он в этом деле expert.

Птичка-Истеричка

Жила в Чудесном Лесу Птичка-Истеричка. И была она вечно всем и всеми недовольна. День начинался у нее с при-

читаний, а заканчивался громким скандалом.

В приличном гнезде, свитом из самых лучших веточек и украшенном яркими перышками, жила она в полном одиночестве. Не потому, что кто-то ее бросил, а потому что никто с ней ужиться не мог изначально. Даже собственные птенцы, едва встав на крыло, улетали куда подальше.

Любое маломальское событие было для Птички-Истерички поводом устроить представление. То роса слишком мокрая, то солнце слишком яркое, то Шмель слишком громко жужжит. А уж если никакого повода не было — она его непременно находила.

— Возмутительно! Ну просто возмутительно! — кричала Птичка-Истеричка с самого утра, разглядывая свое отражение в лесном озере. — Вы посмотрите на эти перья! Они же насквозь седые! До чего вы меня довели!

И неслась она по лесу, разнося жалобы и претензии. Волчата слишком громко играют, Медведь слишком громко храпит, даже муравьи, по мнению Птички-Истерички, ползали раздражающе неправильно.

— Вы все делаете назло мне! Назло! — кричала она, размахивая крыльями.

Жители леса старались обходить Птичку-Истеричку стороной. Едва заслышав характерный визг, все стремились скрыться. Кто в норку нырнет, кто за куст спрячется, кто дела срочные вспомнит.

Однажды после особенно неудачного дня (дождь пошел прямо на свежевывмытые перья, а потом ветка, на которую она села, оказалась в смоле) Птичка-Истеричка устроила такой концерт, что даже деревья, казалось, пригнулись.

— Как вы все меня достали! — кричала она. — Никакого уважения! Никакого понимания! Все вокруг только и делают, что портят мне жизнь!

Вопила эту тираду Птичка-Истеричка аккуратно возле большого дупла. Чтобы акустика получше была. Да не знала, что в том дупле спала в это время Сова-Которая-Все-Поняла.

— Кхм-кхм, — кто-то деликатно кашлянул из темноты.

— Ты еще кто такая?! — взвилась Птичка-Истеричка. — Тоже будешь мне нервы трепать?!

— Я просто хотела сказать, что можно не орать.

— В смысле не орать?! — заорала Птичка-Истеричка едва не задыхаясь от возмущения.

— Ну можно орать, а можно не орать. У тебя есть выбор,
— спокойно ответила Сова-Которая-Всё-Поняла.

— Какой еще выбор?! — Птичка-Истеричка уже была на грани нового приступа.

— Ты можешь продолжать считать, что весь мир против тебя, а можешь посмотреть в себя и задуматься — может, дело не в дожде, смоле или соседях?

Птичка-Истеричка замерла с открытым клювом. Да как она смеет?! По всем канонам эта наглая Сова должна забиться в свое дупло и помалкивать. Все так делали, а кто попроворнее — тот просто сбегал.

— Что значит «посмотреть в себя»?! — фыркнула она, но уже не так уверенно.

— Это значит понять, что твое настроение зависит не от других, а от тебя самой. И если ты все время ругаешься, то не потому, что мир плох, а потому, что тебе самой плохо и одиноко, — ответила Сова и скрылась в дупле.

Птичка-Истеричка осталась одна среди внезапной тишины. Впервые за долгое время ей нечего было сказать. А когда говорить нечего — самое время подумать.

«А что если эта странная Сова права? Что если я сама делаю себя несчастной?»

На следующий день жители леса с удивлением заметили, что Птичка-Истеричка не кричит, а тихо сидит у ручья. На другой день она даже поздоровалась с Ёжиком Жан-Жаком, не сделав замечаний о его колючках. А на третий — помогла Утке-На-Всех-Есть-Минутке отыскать потерявшегося утенка.

Постепенно Птичка-Истеричка стала меньше жаловаться и больше замечать хорошее. Конечно, иногда она срывалась и устраивала небольшие сцены. Смотреть внутрь себя сложно, а раздражающие события никуда не девались. Но это случилось все реже и реже.

К ней стали возвращаться старые друзья, а новые уже не боялись подходить. Даже птенцы прилетали навещать, а не просто отправляли весточки издалека.

Как-то раз, сидя на своем любимом дереве, Птичка-Уже-Не-Такая-Истеричка увидела Сову-Которая-Все-Поняла. Та

глянула на нее своим мудрым взглядом и просто кивнула.

— Спасибо, — тихо сказала Птичка.

— Это был твой выбор, — ответила Сова и улетела в закат.

И с тех пор в Чудесном Лесу стало намного спокойнее. А Птичка-Когда-То-Истеричка поняла самую важную истину — счастье не в том, чтобы мир соответствовал твоим ожиданиям, а в том, чтобы принимать мир таким, какой он есть, и находить в нем радость.

Жук-Невывозжук

Жил в Чудесном Лесу Жук-Невывозжук. И был он, если честно, вполне себе выносливым, сильным и вывозящим жу-

ком. Просто сам об этом забыл.

Звали его, конечно, не всегда Невывожуком. Когда-то давным-давно, так давно, что он уже почти и сам не помнил, он был просто Жук. Молодой, крепкий, полный энтузиазма жук, с блестящим панцирем и весьма определенными жизненными целями.

Цели эти, надо сказать, были одновременно просты и величественны. Жук катил свой навозный шарик. Катил по традиции, по зову природы, по велению жукового сердца. Шарик был совершенен в своем роде — питательный, круглый, пахучий. Настоящий жуковый шедевр, если смотреть на него правильными глазами (и не нюхать).

В шарике этом была вся жуковая философия, весь смысл бытия. Шарик был едой, домом, будущим. В него жук откладывал яйца — из яиц вырастали личинки, из личинок — новые жуки, которые тоже начинали катить свои шарики, потому что так устроен мир.

Более того — и это Жук знал в молодости, хотя теперь подзабыл — без его шарика лес зарастал бы отходами. Жук был, по сути, главным санитаром, переработчиком и экологом Чудесного Леса. Местным министерством природных ресурсов в блестящем панцире.

Но это было раньше.

Теперь Жук-Невывожук просто катил шарик. Потому что надо. Потому что всегда катил. Потому что — а что еще делать-то?

Просыпался он с рассветом. Раньше он ориентировался по солнцу и звездам — находил направление, выбирал маршрут, двигался с умом и чувством. Теперь он просто катил шар в одну сторону. Какую — не важно. Все стороны одинаковые, все дороги ведут к очередной куче навоза.

— Ну. Давай. Катись, — говорил он шару каждое утро.

Шар, будучи шаром, молчал. Он вообще был неразговорчив. Это Жука устраивало. Разговоры отвлекают от работы, а работа — это все что у него есть.

Каждый день походил на сотню прошлых.

Жук просыпался, чертыхался, потому что лапы затекли. Находил шар — тот никуда не девался, верный, как любимая мозоль. Приступал к катанию. Бубнил. Уставал. Снова бубнил. Катил дальше. Упирался в корень дерева, чертыхался, объезжал. Добирался до цели. Какой цели? Непонятно. Цель — это просто место, где он останавливался, потому что устал.

Потом начинал снова.

— Нет, ну не вывожу уже, — говорил он себе примерно к полудню.

— Совсем не вывожу, — говорил он к вечеру.

— Ну все, край, — говорил он перед сном.

А наутро вставал и вывозил.

Звери Жука побаивались. Не потому что страшный — хотя панцирь был внушительный. А потому что от него исходила особая энергия вселенской усталости и стоило к нему

обратиться, как нарвешься на тираду про тяжелую жизнь, хочешь ты этого или нет.

— Эй, Жук, как дела? — рискнул однажды поинтересоваться Гусь-Сам-Разберусь.

— Как дела, — повторил Жук-Невывозук без вопросительной интонации, останавливаясь. — Как дела, говоришь. А вот как. Встал. Покатил. Устал. Лег. Встал. Покатил. Это и есть дела. И так каждый день. А ты спрашиваешь как дела.

Гусь больше не спрашивал.

Настоящая проблема Жука была не в шаре. Шар был вполне приличный. Проблема была в том, что Жук совершенно перестал понимать — зачем.

Зачем он катит? Куда? Для кого?

Когда-то это было очевидно. В шар — смысл. В шаре — будущее потомство, в шаре — пропитание, в шаре — его вклад в круговорот жизни в природе. Весь лес держится на таких, как он — терпеливых, упорных, земных.

Но это знание куда-то испарилось. Осталась только привычка. Тяжелая, неповоротливая, круглая привычка диаметром примерно с навозный шар.

— Папа катил, — объяснял Жук-Невывозук тем редким зверям, которые задавали вопросы. — Дед катил. Прадед катил. Я катю. Традиция.

— А если не катить? — спросила однажды любопытная Курочка-С-Переулочка.

Жук посмотрел на нее так, что Курочка сразу решила про-

гуляться по другой части леса.

Не катить? Нет. Нельзя. Невозможно. Немыслимо.

Хотя... а почему, собственно?

Жук гнал эту мысль прочь. Мысли — они как сорняки. Пустишь один вопрос — и начнется. Зачем? Почему? Для чего? А вдруг можно иначе? А вдруг вообще не надо?

Нет. Шар сам себя не катит.

Однажды на границе ночи и утра Жук-Невывозук проснулся посреди поляны. Рядом ждал безмолвный шар. Солнце еще не взошло, в лесу стояла та особая тишина, которая бывает только перед рассветом. Небо было черным и густым от звезд.

И Жук совершил роковую ошибку. Взглянул вверх.

Он стоял посреди ночной поляны, держа лапами свой шарик, и смотрел на Млечный Путь.

Млечный Путь смотрел в ответ.

Когда-то давно, в той молодой жизни, которую Жук почти не помнил, он ориентировался по этой звездной дороге. Смотрел на небо и понимал, куда катить. Север — туда. Восток — сюда. Смысл светился полярной звездой.

Теперь небо было то же самое. А смысл — непонятно где. — Ну и чего стоишь? — спросил шар.

Жук моргнул. Шары, как известно, не разговаривают. Значит, это он сам себя спросил. Плохой знак.

— Не знаю, — честно ответил он себе.

И сел прямо на землю.

Вот так, посреди ночи, на мокрой траве, Жук-Невызовук впервые за долгое время перестал двигаться. Не потому что устал. А потому что вопрос, который он так долго гнал прочь, наконец его догнал.

Зачем?

— Не спится?

Голос раздался сверху. Жук задрал голову и обнаружил на ветке два желтых глаза, которые с интересом его разглядывали.

Сова-Которая-Все-Поняла.

— Тебе-то что? — буркнул Жук. — Иди спи. Умные мысли ночью плохо заходят.

— Я ночная, — спокойно сообщила Сова. — А ты почему не катишь?

— Потому что... — Жук замолчал.

Пауза была длинная. Сова ждала. Она умела ждать — на то она и Сова.

— Потому что не понимаю зачем, — наконец выдал Жук, и сам удивился тому, как это прозвучало. Тихо. Почти жалобно. — Катю и катю. Всю жизнь. А зачем — забыл. Может, и не знал никогда.

— Знал, — сказала Сова.

— Откуда тебе-то знать?

— Потому что все знают в начале. Потом забывают, когда работа становится просто работой.

Жук посмотрел на свой шар. Шар был, как всегда, невоз-

мутим.

— Слушай, Сова, — сказал он, — вот ты все поняла. Объясни мне тогда. Этот шар. Он зачем? На самом деле?

Сова подумала. Или сделала вид, что думает — с мудрыми это сложно определить.

— В шаре твоём яйца, — сказала она наконец.

— Ну и что.

— Из яиц выйдут жуки.

— Знаю.

— Эти жуки будут катить шары. Собирать отходы. Возвращать в землю то, что из нее вышло. Без вас, навозных жуков, лес задохнется в собственном мусоре за одно лето. Ты — санитар. Ты — переработчик. Ты — часть круговорота, без которого Чудесный Лес перестанет быть чудесным и станет просто свалкой.

Жук молчал.

— И еще, — добавила Сова. — Ты ориентируешься по звездам, когда катишь. По Млечному Пути. Ты единственный в лесу, кто это умеет. Ты идешь прямо, пока все остальные петляют. И ты этого не замечаешь, потому что устал замечать что-либо вообще.

Жук-Невывозжук посмотрел на Млечный Путь. Потом на шар. Потом снова на Млечный Путь.

— Это ты все сейчас специально говоришь, чтоб я снова покати́л?

— Нет, — сказала Сова. — Это я говорю, чтобы ты знал,

зачем катишь. Разница есть?

Жук подумал.

— Есть, — признал он неохотно.

— Ну вот.

Сова закрыла глаза и сделала вид, что задремала. Разговор был окончен.

Жук-Невывожук сидел и смотрел на звезды. Чувствовал, как что-то внутри него слегка сдвинулось с места. Как навозный шарик, который толкнули под правильным углом.

Он не вспыхнул мгновенной любовью к своему делу. Не запрыгал от счастья. Он просто встал, потрогал шар, убедился что тот никуда не делся, и покатил дальше.

Но теперь — поглядывая на Млечный Путь.

На следующий день те, кто встречал его на лесных тропинках, заметили кое-что странное. Жук-Невывожук по-прежнему бубнил. По-прежнему жаловался. По-прежнему говорил «не вывожу» примерно раз в час.

Но шарик он катил чуть ровнее и как будто даже с удовольствием.

И когда Шмель-Который-Ходил-Пешком встретился ему и пожаловался на никчемность своего полета, Жук-Невывожук остановился, облокотился на шарик и спросил:

— Слышь. Ты сколько цветков опылял, пока летал?

— Тыщу двести, — тихо ответил Шмель.

— Во-о-от. А пешком — двенадцать. Так не все ли равно, как летаешь? Важно, зачем. Ясно?!

И покати́л да́льше. Бубня. Но с чувством.

Гово́рят, с тех пор Жу́к-Невывожу́к ста́л чу́ть ме́нее невывожу́ком. Все́го на чу́ть-чу́ть. Ровно на́столько, что́бы ино́гда оста́навливаться но́чью и смотре́ть на Мле́чный Пу́ть.

А Чу́десный Ле́с оста́вался чи́стым. И ни́кто о́собо не за́думыва́лся по́чему.

Кро́ме Жу́ка. Кото́рый те́перь зна́л. И э́то де́лало ша́р не́много ле́гче.

Гусь-Сам-Разберусь и Гусыня-Женщина-Богиня

Жила в Чудесном Лесу еще одна пернатая семья.

В большом и теплом гнезде с видом на закат жил Гусь-Сам-Разберусь. Был он очень самостоятельным, резким и не терпел чужих советов.

Делил он гнездо с женой-красавицей. Гусыня-Женщина-Богиня была, как водится, одухотворенной и возвышенной.

Жгла свечи с пачули ручной работы, знала когда будет парад планет и что значит цифра 7 в дате рождения.

Жили они хорошо. Даже замечательно.

Гусь-Сам-Разберусь сам во всем разбирался, налево не смотрел и всячески свою половинку обихаживал. Думалось Гусю, что он молодец, что гнездо его силами процветает и вообще пусть женщина не лезет в мужицкие дела.

А Гусыня-Женщина-Богиня в его дела и не лезла вовсе, хоть и считала, что именно ее энергия притягивает в дом достаток. Не зря же чудо-свечи горят почти круглосуточно. Да и денежные мандалы сами по себе не рисуются, знаете ли.

Жилось им хорошо, всем на зависть. Пока не накалилось.

Оно ведь как. Если все прекрасно — обязательно должен быть подвох. Иначе закон подлости как будет работать? Вот и нашлась у пернатой пары причина для скандала.

Не вынес Гусь-Сам-Разберусь запаха сандала в гнезде, да и сделал супружнице замечание.

А она всё-таки богиня, терпеть такое была не намерена. Да и вообще, чего он сам да сам, ничего не рассказывает, может у него там на работе птица-секретарь красивая завелась?! Точно! С красным пером и большим клювом!

Дело до крика дошло, до той самой точки, когда обвинения не имеют смысла, но уже собираются в жгучий ком обиды.

Дошли до того, что стали решать, кто в доме главный, кто все на себе тащит, да кто слово последнее имеет.

Решали-скандалили, да так ни к чему и не пришли. Да и как могут спорить предпринимательская хватка и божественное начало? Ничья получается.

Пошли они за советом к Сове-Которая-Всё-Поняла. Кто еще рассудит? Кто главенство в семье определит?

Пришли и спросили: «Сова, кто главный в доме?»»

Посмотрела Сова из-под бровей и сказала: «Вот дураки!
Заведите себе по дому, там и главенствуйте, сколько влезет!»»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.